

Aleksandr
Moiseev

DIE
DEUTSCHEN
IM SÜDURAL

Александр
Моисеев

НЕМЦЫ
НА ЮЖНОМ
УРАЛЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Среди исторических параллелей, которые связывают современный день Южного Урала с его прошлым, быть может, особенно интересна мысль о том, что мы нынешние гораздо ближе стоим к своим предшественникам времен устройства Уральского края, чем это было бы три-четыре десятилетия назад. Многие изменилось в российской жизни: от экономического уклада до идеологии взаимоотношений. Не всегда современность нам нравится, не всегда мы «без ума» от тех нововведений, которые сыплются одно за другим. В таких случаях история и приходит на помощь, позволяя лучше понять наш сегодняшний характер.

В современном российском укладе отношения между разными народами, культурами, экономическими моделями играют совершенно особую роль. Нет-нет, да и подумается, что сегодня у нас формируется словно бы новый уклад жизни. Подобное происходило в России три века назад, и начинался этот процесс культурно-экономического «брожения», культурно-экономического взаимодействия именно с немцев, с их вхождения в российскую ойкумену.

На Урале вообще и в Южноуралье в частности было несколько волн, когда немецкое влияние становилось особенно ощутимо, когда приезд немцев в уральские пределы менял характер быта, производства, связей. Первая эпоха, безусловно, была связана с петровскими реформами и желанием России встроиться в европейский миропорядок. Это была управленческая эпоха, когда формировались ключевые институты власти: от обустройства Оренбургской губернии и Управления горными заводами до формирования войсковых частей, хозяйственных служб, «служивого госаппарата».

Вторая волна, которая буквально преобразила Южный Урал, связана со Златоустом – удивительным русским и одновременно, как это ни странно может прозвучать для кого-то, немецким городом. По крайней мере, именно так ощущал его с самого детства автор этой книги. Благодаря основанию Оружейной фабрики и пригла-

шению мастеров из Золингена, здесь сформировалась новая производственная культура, которая затем лишь шлифовалась и совершенствовалась. Немцы-контрактеры обживались на Урале, принимали российское гражданство и уже более не чувствовали себя «посторонними» в здешних краях, воспринимая себя частью единого уральского целого.

Но при этом они не теряли и своего особенного, своего уникально-национального. Они вносили в русскую жизнь и ментальность немецкую добросовестность и усердие, неукоснительное исполнение обязанностей, строгий порядок и организованность, доскональное владение своим делом. Эта немецкая «прививка профессионализма» оказалась для Урала столь значимой, что и сегодня регион, во многих своих культурных традициях и промышленных особенностях, в самом характере своего целостного развития придерживается тех немецких начинаний.

Еще одна волна немецкого влияния на Южный Урал выпала на начало XX века, когда центральная Россия и немецкое Поволжье пришли в движение, воспользовавшись предоставленной столыпинскими реформами возможностью переселиться на новые земли. Южный Урал, тогда уже вполне состоявшийся, имевший необходимую инфраструктуру и надежно связанный с другими российскими регионами, был достаточно привлекательным для новой жизни. И люди сюда потянулись.

Революционные потрясения, крутые повороты истории, которые совершала страна в XX веке, тяжелые испытания, которые выпали на ее долю, естественно, не могли обойти человеческие судьбы – они и перемалывались трагически в новых исторических обстоятельствах. Вот почему нам в нашей книге так важно было рассказать о тех «русских немцах», которые оказались на Южном Урале в его «роковые минуты».

Безусловно, объять три века немецкой истории Урала, исчерпывающе рассказать о людях и событиях в одной книге невозможно. Собственно, такая энциклопедическая задача нами и не ставилась. Важнее было «завязать узлы» – всмотреться в эпохи и судьбы, прикоснуться к жизням тех людей, которые сыграли в этой истории наиболее значительную роль. Человеческая мозаика на фоне времени – так, пожалуй, можно было бы охарактеризовать жанр этой книги. Книги, которая призвана соединить прошлое немцев Урала – с их настоящим, стать своего рода мостиком, связующим времена.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НА ГОСУДАРЕВОЙ СЛУЖБЕ

Во второй половине XIX века в газете «Московские ведомости», издаваемой монархистом и ярким противником «прозападнических назначений» на государственные должности Михаилом Катковым, появилась примечательная статистика: «Кто правит Россией? Сами русские или немцы? Среди министров 15% немцев, среди Государственного совета 25%, среди сенаторов 40%, генералов 50%, губернаторов 60%. А поскольку губернаторы управляют Россией, то это и будет ответом на поставленный вопрос».

Естественно, что подобные цифры – результат политики, проводившейся не одно десятилетие и даже не один век. Иностранцы стали систематически назначаться на государственные посты еще в петровскую эпоху, когда Россия начала осознавать себя империей и встраиваться в мировой, прежде всего европейский порядок. Сыграла свою роль и немецкая кровь в жилах русских монархов. Но в основе доверия к немецким фамилиям на государственных должностях лежали деловые и организационные способности.

Еще в середине XVIII века за выходцами из немецких княжеств утвердилось слава хороших руководителей, обладающих необходимыми деловыми качествами: усердием и добросовестностью, строгостью к подчиненным и подобающим отношением к начальству. Добавьте сюда неукоснительное исполнение обязанностей, верность престолу и многое другое, что должно отличать надежного служаку, и вы получите портрет почти идеального работника. Врожденные организаторы, подверженные неизменному стремлению к «орднунгу» – порядку во всем: большом и малом, – немцы становились своего рода противовесом «беспорядочному простору русской души». Такому сказал – все выполнит, будь уверен. Для «администрирования» российских территорий, тем более таких, как образованная в 1744 году Оренбургская губерния, состоящая из вновь присоединенных земель, наличие людей подобного склада было жизненно необходимо.

Губернаторская ленточка

(южноуральские губернаторы)

*Ю*жному Уралу в границах будущей Челябинской области на немецкие губернаторские имена, можно сказать, повезло многократно. Наш регион находился в административном подчинении сразу у трех губерний: Оренбургской (южная и центральная часть), Уфимской (горнозаводская зона) и Пермской (северные территории).

Оренбургская губерния была самой обширной и значительной в Южноуралье; именно она более столетия держала «на замке» российскую границу со степной, «полуденной» Азией. Потому главами губернии назначались люди, проверенные на государственной службе в иных местах и боях, чаще всего генералы.

Немецких имен среди них было немало. В разные годы Оренбургской губернией руководили И.И. Рейнсдорп (1768–1781), О.А. Игельстром (1797–1798), И.О. Курис (1800–1802), И.Г. Фризель (1806–1809), П.К. Эссен (1817–1830), О.Л. Дебу (1827–1835), П.П. Сухтелен (1830–1833), А.П. Безак (1860–1865), Е.И. фон Зембуш (1875–1878), М.С. фон Таубе (1906), Д.О. Тизенгаузен (1912–1913).

В Уфимской губернии, которая первоначально была выделена из Оренбургской губернии в 1781 году в наместничество, а свой губернский статус получила в 1784 году, руководящую должность занимали И.В. Якоби (1781–1782), О.А. Игельстром (1784–1792), А.А. Пеутлинг (1792–1794), Л.Е. Иорд (1889–1894).

Наконец, Пермскую губернию, образованную в 1796 году и включавшую в себя Кыштымский и Сергинско-Уфалейский горные округа, возглавляли И.В. Ламб (1781–1782, правитель пермского наместничества), К.А. Модерах (1796–1811), Б.А. Гермес (1805–1818), А.К. Кризенер (1818–1823), А.Ф. Кабрит (1835–1837), Б.В. Струве (1865–1870).

*Кто правит Россией?
Сами русские или немцы?
Среди министров
15% немцев, среди
Государственного совета
25%, среди сенаторов
40%, генералов 50%,
губернаторов 60%.*

*Вид на золотоуст оруж
фабрику. С картины
неизвестного художника
1854 год*

*Blick auf Zlatoust in Fabrik.
Mit dem Bild неизвестного
Künstler 1854 Jahr*

Из всех уральских губернаторов, пожалуй, тяжелее всего пришлось Ивану Андреевичу Рейнсдорпу, первому немцу в оренбургском губернаторском списке. На время его правления падает самая смутная и кровавая глава истории Южного Урала – восстание под началом Емельяна Пугачева.

Рейнсдорп заступил на высокий пост в 1768 году, а уже через пару лет на Яике занялись огоньки бунта, к 1773 году запылавшие пожарищем, охватившем весь огромный Оренбургский край и горнозаводское пограничье. Губернатор находился в самом пекле мятежа, руководил многомесячной обороной губернского центра – осажденной пугачевцами оренбургской крепости. В том, что крепость выстояла, немалая заслуга губернатора, за плечами которого был богатый боевой опыт. Он начал воинскую службу рядовым и пошел в гору во время Семилетней войны. Еще до пугачевского восстания и до губернаторского поста его служба также была связана с войной: Рейнсдорп готовил и отправлял полки на очередную русско-турецкую войну. После подавления восстания ему пришлось, по сути, заново отстраивать укрепления пограничной линии, так как лишь немногие из них устояли и не были сожжены пугачевцами.

Рейнсдорп завершил службу генерал-губернатором в 1781 году в чине генерал-поручика.

Иначе сложилась губернаторская служба у Осипа Андреевича (Отто-Генриха) Игельстрома. Она окажется не столь ровной,

как у его предшественника. Если Рейнсдорп все 13 лет руководил губернией, не покидая Оренбурга, то в губернаторской службе Игельстрома были передвижения и перерыв. В 1780-е годы после административно-территориальной реорганизации из Оренбургской губернии была выделена ее западная часть, и в 1784 году Осип Андреевич был назначен Симбирским и Уфимским генерал-губернатором.

К тому времени он был в воинском звании генерала от инфантерии (пехота), отличился в последнюю русско-турецкую войну в Крыму, где пленил последнего турецкого хана. Военный опыт пригодился – в Уфе Игельстром провел реорганизацию местных войск, сведя их в пять бригад. Однако в 1788 году он вновь был отозван на театр военных действий, на этот раз – со шведами. После заключения победного мира с ними шесть лет служил наместником во Пскове и Смоленске, генерал-губернатором в Малороссии.

В конце 1797 года Игельстром был снова направлен в Уфу, где занял должность оренбургского военного губернатора. Объясняется это тем, что к этому времени военная администрация была переведена из Оренбурга в самое сердце башкирских земель. Впрочем, после участия в пугачевском восстании башкиры больше не бунтовали, более того, постепенно заслужили такое доверие, что стали привлекаться для охраны границы вместе с казаками. Были планы даже включить их в состав Оренбургского казачьего войска. В конце концов, не без содействия Игельстрома, было организовано башкиро-мещеряцкое войско, которое просуществовало около полувека и отличилось в Отечественной войне 1812 года.

В отличие от Рейнсдорпа, Игельстром происходил из дворянского рода и отошел в мир иной не как его предшественник – с губернаторского поста, а после отставки в 1798 году, на которой он провел покойно почти четверть века.

Почти одновременно с Игельстромом в истории Южного Урала встречается имя Ивана Варфоломеевича Якоби. Генерал от инфантерии, он стал оренбургским губернатором в 1781 году, а через год на него были возложены обязанности Уфимского и Симбирского генерал-губернатора. Пребывание Якоби на Урале было непродолжительным – из Уфы его срочно отзывают в Сибирь, где он возглавляет Иркутское генерал-губернаторство.

Зато Петр Кириллович Эссен останется в Оренбурге всерьез и надолго – на 13 лет. Выходец из старинного лифляндского дво-

*Александр фон Эверсман.
Организатор и первый
директор Златаустовской
оружейной фабрики.*

---

*Alexander von Zverman.
Der Veranstalter und der erste
Direktor Zlamayustovskoy
Armory-Fabrik.*

Eigentlich Heer war auch multinationalen: neben den Russen in ihm dienten, Ukrainer, Tataren und Baschkiren, мещеряки, ментяри, мордва; schrieben sich in den KOSAKENSTAND

рянского рода, граф, он до назначения на пост военного губернатора в Оренбург в 1817 году повидал немало: прошел две турецкие и Отечественную войну 1812 года, заслужил несколько орденов и воинское звание «генерал от инфантерии».

Все 13 лет генерал-губернаторства Эссен занимался укреплением границы и обустройством края. При нем, говоря современным языком, были заложены основы продовольственной безопасности Южного Урала. Суть в том, что почти весь хлеб для снабжения войск был тогда завозным, и при определенном стечении обстоятельств это могло «выйти боком».

Казаки, составлявшие основу войска, зерновым хозяйством занимались тогда мало и неохотно. Эссен же решил изменить эту ситуацию и издал свое «Предписания о хлебопашестве», коим предлагал казакам взяться за выращивание зерновых в «добровольно-принудительном» порядке.

В целом, о казаках Эссен заботился особо, к тому же был командиром Отдельного Оренбургского казачьего корпуса. Уже в 1818 году он отправил в столицу письмо о необходимости расширения земельными наделами казаков, в котором сокрушенно писал, что «при неимении земель войско приходит в беднейшее состояние». По сути дела, этим письмом Эссен дал толчок к прирезке к Оренбургскому казачьему войску земель Новолинейного района за счет переноса пограничной линии на восток.

Мастер Лорх вручает шашку цесаревичу Александру. С акварели К.Аббакова, 1837

Master Lorch hands Stein цесаревичу, Alexander. Mit Aquarelle Zu, Аббакова, 1837

Сам процесс расширения на восток связан уже с другим именем – с графом Павлом Петровичем Сухтеленом, сменившим Эссена на посту генерал-губернатора в 1830 году. Генерал кавалерии, герой наполеоновских и русско-турецких войн, награжденный за доблесть двумя орденами Святого Георгия и редкой наградой – золотой саблей «За храбрость», Сухтелен оставил яркий след в памяти оренбургских казаков. Именно он начал непосредственное новолинейное переустройство с переносом границы, прирезав к прежней территории 15-верстовую полосу заграничной земли. И именно он вплотную приступил к наделению казаков землей.

Впрочем, прирезать земли – одно, обжить и обустроить – другое. Сухтелен вплотную занялся казачьими поселками. Так, он задумал строительство новых казачьих поселков с «регулярной застройкой», то есть с линейным планированием, для чего нескольких молодых людей отдал на обучение «практической архитектуре». Одновременно он готовил пополнение казачьего войска для заселения новых поселков, для чего было принято решение о переводе в казачье сословие четырех линейных батальонов и крестьян из деревень на землях казачьих. По прикидкам Сухтелена, границу следовало провести по меридиану Орск-Троицк – эта идея и будет воплощена.

Кстати, один из поселков в Челябинской области, расположившийся между Карагайским и Санарским борами, до сих пор носит его имя: Сухтелинский.

Реорганизацией казачьего войска в середине XIX века занимался и Александр Павлович Безак, генерал от артиллерии, командир Отдельного Оренбургского корпуса. Заняв в 1860 году пост оренбургского генерал-губернатора, беспокоясь об устройстве Башкирии, он многое сделал и для Оренбурга, за что ему было присвоено звание Почетного гражданина города. Вообще пятилетнее управление Безака оренбургским краем, как упомянуто в Высочайшем на его имя рескрипте от 28 октября 1866 года (этот рескрипт сопровождался орденом св. Андрея Первозванного), «ознаменовано распространением в этом крае гражданственности, устройством местной администрации, водворением порядка в степи и подготовлением успеха принятых впоследствии мер к соединению степных линий оренбургского и сибирского ведомств». После Оренбуржья Безак служил генерал-губернатором Юго-Западного края, командуя Киевского военного округа.

Егор Иванович (Георг) фон Зенбуш в Оренбурге был триедин в должностях-званиях. Генерал-майор, он в 1875 году был назна-

Мастер Лорх вручает шашку цесаревичу Александру. С акварели К.Абабкова, 1837

Master Lopx hands Stein цесаревичу, Alexander. Mit Aquarelle zu, Абабкова, 1837

Eigentlich Heer war auch multinationalen: neben den Russen in ihm dienten, Ukrainer, Tataren und Baschkiren, мещеряки, ментяри, мордва; schrieben sich in den KOSAKENSTAND aufgenommen Polen und Franzosen, перешедшие Grenze oder бежавшие aus среднеазиатского der Sklaverei. In офицерском Gehäuse trifft viele der deutschen Familiennamen, einschließlich unter die ersten Personen der zum Heer.

*Мастер Лорх вручает
шашку цесаревичу
Александру. С акварели
К.Абабкова, 1837*

*Master Lorx hands Stein
цесаревичу, Alexander. Mit
Aquarelle Zu, Абабкова, 1837*

чен сюда губернатором, командиром Отдельного Оренбургского корпуса и стал наказным атаманом казачьего войска. Несмотря на представление «фон», дворянского звания он, скорее всего, не имел – 45-летним баронам не устанавливают, пусть и высочайше, «выделять по 250 рублей в год на каждого из четверых детей до их совершеннолетия и дальнейшую учебу». Много внимания Зенбуш уделял казачеству, просвещению, был президентом совета лютеран в Оренбурге. Из губернаторов-немцев он является одним из самых орденосных: награжден орденами святой Анны трех степеней, Станислава двух степеней и Владимира.

Федор Федорович фон Таубе будет одним из последних оренбургских губернаторов и атаманов Оренбургского казачьего войска – в разгар первой русской революции. Вся его жизнь связана с воинской службой: военная гимназия, Павловское училище, войсковая служба, участие в боевых кампаниях. Генерал-лейтенант, фон Таубе заслужил 15 российских и иностранных орденов. После Оренбурга занимал пост шефа Отдельного корпуса жандармов.

Печально сложится судьба последнего «немецкого» оренбургского губернатора Дмитрия Орестовича Тизенгаузена. Он был переведен в Оренбург перед самым началом первой мировой во-

йны, исполнял здесь обязанности вице-губернатора, затем ушел на фронт, где командовал воинскими частями. После революции он остался в России, но в 1937 году был арестован и расстрелян.

Федор Федорович фон Таубе будет одним из последних оренбургских губернаторов и атаманов Оренбургского казачьего войска – в разгар первой русской революции. Вся его жизнь связана с воинской службой: военная гимназия, Павловское училище, войсковая служба, участие в боевых кампаниях. Генерал-лейтенант, фон Таубе заслужил 15 российских и иностранных орденов. После Оренбурга занимал пост шефа Отдельного корпуса жандармов.

Печально сложится судьба последнего «немецкого» оренбургского губернатора Дмитрия Орестовича Тизенгаузена. Он был переведен в Оренбург перед самым началом первой мировой войны, исполнял здесь обязанности вице-губернатора, затем ушел на фронт, где командовал воинскими частями. После революции он остался в России, но в 1937 году был арестован и расстрелян.

Выросшие из прежних наместничеств – Уфимского и Пермского – губернии не имели столь масштабных задач, которые стояли перед Оренбургом. Но немецкие имена в их русской истории не потерялись. Так, генерал-майор Иван Варфоломеевич Ламб в Перми начала 1780-х годов оставил добрую память своим трудолюбием, деловитостью, ровным характером. После Урала он будет служить военным губернатором в Иркутске, затем во главе Костромского наместничества и при императорском дворе. Барон и статский советник Алексей Иванович Криденер, возглавлявший Пермскую губернию в 1817–1823 годах, остался добрым словом в народной памяти, так как сумел во время многолетнего неурожая спасти население от голода, обеспечив продовольствием со стороны.

Мастер Лорх вручает шашку цесаревичу Александру. С акварели К.Аббакова, 1837

Master Lorch hands Stein цесаревичу, Alexander. Mit Aquarelle Zu, Аббакова, 1837

Испытание бунтом

(немцы в пугачевском восстании)

Насколько себя оправдала практика «немецкого управления русской жизнью», очень ярко и крайне противоречиво показало одно из крупнейших исторических событий на Южном Урале – восстание под предводительством Емельяна Пугачева, кровавая «пугачева замятня», как его называли в народе.

Исторические оценки восстания и его участников самые разнообразные, и, несмотря на стереотипы советской школы, однозначного прочтения здесь нет до сих пор. Бунт выжег пожарами многие уральские села, унес тысячи жизней мятежников и их усмирителей, а также мирные жизни тех, кто просто «попадался под руку». Это жестокая фактура, которую не оспорить.

Другой разговор, что противоречивые оценки получают действующие лица. Трудно составить о человеке объективное суждение: каждый раз вмешиваются черты характера, сложность исторических обстоятельств, спорные моменты принимаемых решений. Действия военачальников, усмирявших мятеж, – а именно среди них немцев было значительное число – зачастую трактуются прямо противоположным образом: маятник качается здесь от восхищения героизмом и решительностью до упреков в медлительности, тактических ошибках и малодушии.

В этой двойственности и предстают главные фигуры тех кровавых событий с царской стороны: командующий правительственными войсками генерал-майор В. А. Кар, командиры воинских частей подполковник И. И. Михельсон, секунд-майор Д. О. Гартин, генерал-поручик И. А. Деколлонг, секунд-майор О. И. Деву, премьер-майор Ф. Иезеф, подполковник К. М. Муфель, секунд-майор Фишер, генерал-майор Ф. Ю. Фрейман. Более «благоклонные» исторические оценки получили коменданты пограничных дистанций и крепостей: комендант Танальской крепости подполковник А. Рас, оберкомендант Оренбургской крепости генерал-майор К. И. Валленштейн, командир Троицкой дистанции крепостной бригады А. А. Дефейервар, командир Озерской дистанции бригадир А. А. Корф, командир поселений отставных солдат А. И. Миллер и другие. Пожалуй, самым известным и самым противоречивым из командиров оказался командир Санкт-Петербургского карабинерного полка подполковник Иван Иванович Михельсон. Выходец из лифляндских немцев, он участвовал в Семилетней войне, дважды был тяжело ранен, принимал участие в боевых действиях русского экспедиционного корпуса против конфедератов – как раз накануне пугачевского восстания. Блестящему и справедливому командиру, которому сразу были доверены крупные силы для подавления бунта, Михельсону в какой-то мере «не повезло». Хотя первые боевые действия против пугачевцев были успешны – особенно в наступлении на

осажденную отрядом И. Н. Зарубина-Чики Уфу в марте 1774 года. У села Чесноковки он полностью разгромил зарубинские отряды, а затем захватил в плен самого Зарубина и его приближенных.

Однако чуть позже удача словно отвернулась от него – Михельсон буквально по пятам преследовал Пугачева, но разбойник то и дело уходил от крупных сражений. С середины мая 1774 года Михельсон шесть раз сталкивался и одерживал победу в локальных боях с повстанцами: под Кундравинской слободой, у реки Ай, в сражениях под Казанью. Лишь в битве у Солениковой ватаги под Черным Яром удалось окончательно разгромить войска Пугачева.

За победу над Пугачевым Екатерина II произвела Михельсона в чин полковника и наградила золотой шпагой, украшенной алмазами; в том же году ему было пожаловано крупное поместье в Витебской губернии. Правда, сражения в жизни полковника на этом не завершатся – позже он будет участвовать и в Шведской кампании, и в Русско-Турецкой войне...

В исторических записках о пугачевском бунте не раз упоминается генерал, граф Иван Александрович Деколонг, командовавший Сибирской пограничной линией. Выходец из лифляндского шляхетства и участник Семилетней войны, он был в курсе мятежных событий с самого начала. Как сообщает Оренбургская пушкинская энциклопедия, уже с середины октября 1773 года Деколонг занимался отправкой сибирских гарнизонных команд на подавление бунта. А в начале января 1774-го он с двумя легкими полевыми командами и сам отправился в поход – к Челябинску, но действовал против пугачевских отрядов неудачно и вынужден был город оставить, отойдя с боями в Сибирь.

Вообще, за ним закрепился «статус» медлительного командира, который, по словам А. С. Пушкина, действовал «слабо, робко, без усердия». Единственная его удачная карательная вылазка связана с Троицкой крепостью. Накануне ее взяли мятежники, учинив здесь настоящую бойню. Комендант Дефейервар и защитники, стоявшие до конца, были захвачены и зверски убиты. На радостях пугачевцы устроили в ночь пьяную оргию. Утром подошел Деколонг, и оказать ему сопротивление они были не в состоянии...

Неудачи будут преследовать и генерал-майора Василия Алексеевича Кара, приказом императрицы Екатерины II назначенного командующим военной экспедицией против бунтовщиков. Под Оренбургом в крайне неопределенной обстановке его войска были неожиданно атакованы с разных сторон несколькими отрядами пугачевцев. В итоге разгромленный и подавленный Кар вынужден был сдать командование.

Генерал-майор Федор Юрьевич (Магнус Фердинг) Фрейман, вступивший на его место, оказался в весьма тяжелом положении, о чем свидетельствует его дневник. После первых боев и бегства из его войска башкир в его корпусе осталось лишь 232 солдата. Только весной 1774 года, приняв пополнение, он выступит с «зимних квартир» и достаточно успешно проведет боевые действия в Башкирии и в Исетской провинции.

Казачий разъезд

(немцы и уральское казачество)

Eigentlich Heer war auch multinationalen: neben den Russen in ihm dienten, Ukrainer, Tataren und Baschkiren, мещеряки, ментяри, мордва; schrieben sich in den KOSAKENSTAND aufgenommen Polen und Franzosen, перешедшие Grenze oder бежавшие aus среднеазиатского der Sklaverei. In офицерском Gehäuse trifft viele der deutschen Familiennamen, einschließlich unter die ersten Personen der zum Heer.

После того как улеглась кровавая пыль пугачевского восстания, а имя бунтовщика было подвергнуто забвению высочайшим указом, на Южном Урале началась большая и многогранная эпоха казачьего обустройства края. Все те идеи, которые произросли во времена русской колонизации этой земли, теперь окрепли, приняли реальные войсковые, административные и хозяйственные очертания. Несомненно, ключевая роль в этом сложном и межнациональном процессе отводилась Оренбургскому казачьему войску.

Собственно, войско также было многонациональным: помимо русских в нем служили украинцы, татары и башкиры, мещеряки, тептяри, мордва; записывались в казачье сословие поляки и французы, перешедшие границу или бежавшие из среднеазиатского рабства. В офицерском корпусе встречается немало немецких фамилий, в том числе и среди первых лиц в войске.

Из оренбургских губернаторов-немцев одновременно возглавляли Отдельный Оренбургский корпус П. К. Эссен и П. П. Сухтелен, наказными атаманами Оренбургского казачьего войска являлись Е. И. Зенбуш и Ф. Ф. Таубе.

Кстати, еще несколько слов о «губернаторском покровительстве». Тот же генерал-майор Е. И. фон Зенбуш вправе называться настоящим казачьим просветителем. Он много внимания уделял улучшению благосостояния казаков, их военной подготовке, но при этом считал, что грамотный, толковый казак будет и хорошим воином, и хорошим хозяином. С Зенбуша началась на Южном Урале организация всеобщего начального казачьего образования, в каждой станице стала действовать школа. В итоге Оренбургское казачье войско было признано самым грамотным среди одиннадцати казачьих войск империи.